

КРИТИК оценил в газете последний спектакль театра... Оценил его отрицательно. Какого отклика ему ждать от читателей? Тот, кто с критиком согласен, удовлетворенно отложит газету: все правильно, и я так думал... И не сядет писать в редакцию благодарность. Зачем? И так все ясно!

А кто не согласен? Тот обязательно откликнется.

Сходная реакция и у театра, ставшего объектом критического внимания. Если спектакль хвалят, похвала обычно воспринимается как должное. Рецензия вырезается и вывешивается рядом с расписанием репетиций. Никому и в голову не придет поблагодарить критика письменно. Если же спектакль подвергнут критике... В статье сразу обнаруживаются передержки, огрехи стиля, обязательно окажется перепутанной фамилия актрисы, появляющейся с подносом в начале второго акта. Заканчивается обращение в редакцию требованием покарать обидчика.

Бывает? Нечего грех таить, бывает.

Редакция познакомила меня с письмами читателей, полученными после опубликования статьи Нины Велеховой «Мнимое и подлинное». Вот уж где суждения действительно категоричные!

Читательница Н. Савина из Москвы пишет, что у нее вызвали «негодование строки, в которых она (автор статьи), нарушая все этические нормы, обрушилась на актера Г. Бортникова, как на постановщика, исполнителя главной роли и художника в спектакле Театра имени Моссовета «Глазами клоуна»... И в конце — «прошу дать ответ на мое письмо».

Ну, это обязательно...

ЕЩЕ РАЗ перечитываю статью. Внимательно. С карандашиком. Положено быть объективным — постараюсь быть объективным.

Прежде всего надо уяснить главную мысль статьи, то, ради чего она написана. Вот оно: «...новатор не может повторять готовое. Хотя бы вновь изготовленное. Новаторы не могут быть похожи друг на друга. Сходны в искусстве одни штампы. И мы откровенно говорим о своей цели: мы против замены одних штампов другими...» Очень точно и складно сказано. И напрасно один из читателей уличает Н. Велехову в отсутствии профессионального умения. Я, как говорится, целиком и полностью на стороне автора «Мнимого и подлинного». В самом деле, как не вспомнить того ошарашивающего времени, когда вдруг во всех театрах взял и исчез занавес, исчезли декорации, зловеще обнажилась кирпичная кладка мощных стен, что за сценой. Как будто театр не к премьере подготавливался, а к сносу здания.

А ведь как все это нравилось поначалу! Новые веяния, новые средства выразительности! Три сосны — лес, один стул — зрительный зал или кафе. Лихо, черт возьми! Это сейчас хочется иронизировать, а тогда ведь спорили, восхищались. Зачинатели этого дела были кумирами. И сегодня, кстати, мы их не забываем. Их, но не многочисленных подражателей.

Постепенно исчезали пьесы с последовательно выстроенным сюжетом. Появились сочинения, в которых так до конца и нельзя было понять, кто с кем и кто кого. Каждый был сам за себя. Умершие не скрывались в могилах, а натурально одетые бродили среди современных интерьеров. Ушедшие не уходили. Вернувшиеся не возвращались...

Скажите, перегибаю? Ничуть! Хотите свежий пример? Перелистайте один из свежих «Информационных списков драматических произведений», издаваемых ВУОАПом. Одновременно вспомните, как мы впервые познакомились с пьесой английского драматурга, где дей-

ствуют только двое — он и она. Потом у нас появилось несколько неплохих произведений в том же духе. А теперь нас информируют, что лишь за последние два месяца можно получить три пьесы, где мужских ролей — 1, женских ролей — 1. Новое наступает! Вспоминается мудрая фраза Марины Цветаевой: когда чего-нибудь много, это всегда смешно...

Так я понял главное в рассуждениях Н. Велеховой. Почему-то об этом ни один из авторов писем в редакцию ничего не говорит. Видимо, согласны. И это основное.

РАЗБЕРЕМСЯ в несогласиях. В подавляющем большинстве случаев оспариваются претензии критика к актеру Г. Бортникову. Оспаривается его право быть инсценировщиком романа Г. Бёлля, оформителем спектакля, режиссером его, исполнителем главной роли. В отличие от критика хвалятся пластикой актера, а техник-конструктор И. Пальчицкий недоумевает к тому же, что «Н. Велехова упустила такую важную деталь, как глаза актера...». Ну, об этом

помню для порядка, что главный режиссер театра — Юрий Завадский.

Чувствуете? В таком контексте имя «во всем виноватого» Г. Бортникова не так уж бросается в глаза. Так что тут позволю себе не согласиться и с категоричностью статьи «Мнимое и подлинное», и с безудержным восторгом некоторых писем по поводу «уникальности» молодого актера.

В данном случае мы вправе оценивать не только эстетический факт искусства, но с удовлетворением говорить об отрадном этическом поступке известного и уважаемого театрального коллектива. Молодому актеру смело дали возможность продемонстрировать разнообразие грани дарования. Мало того. Ему квалифицированно и щедро помогли с наименьшими потерями выйти из боя, в который он отправился добровольцем.

ПОМНИТСЯ, несколько лет назад в Доме актера проводились вечера из серии «Несыгранные роли». Здесь актеры экспериментировали, пока-

Зритель пошел «на Бортникова».

Театр вправе привлекать преимущественное внимание публики к тому или иному имени, если имя этого достойно. Даже астрономов удручает, что свет звезд доходит до нас миллионы лет. Не состязаться же с этим черепашиным темпом молодым театральным звездам!

Такой поступок коллектива, повторяю, заслуживает самого горячего одобрения. А ну как бы в каждом академическом театре да по одному такому дебюту — разве не дало бы это новых красок нашей театральной жизни?! Но и спрос — и с коллектива, и с актера — должен быть равный. И в победах, и в поражениях.

А здесь, в спектакле «Глазами клоуна», мы являемся свидетелями и того, и другого. Чего больше? Я склонен вести отсчет со знаком плюс, несмотря на очевидные издержки спектакля.

Г. Бортников заражает безграничным, каким-то даже изступленным желанием раскрыть нам душу страдающего человека, вошедшего в неразрешимый конфликт с миром зла, ненависти, стяжательства. Он как бы протягивает нам на ладони кровоточащее сердце, изнывающее от любви, огромной, нужной и ушедшей. И публика неизбежно оказывается во власти эмоциональной стихии.

НО ХОРОШО помнить севное изречение: осторожно входи в двери радости...

Да, осторожно...

В самом деле, внутренняя атмосфера книги «Глазами клоуна» гораздо сложнее, насыщеннее, многоцветнее, чем та, которую предлагает спектакль. Клоун Ганс Шнир, как можно себе представить, менее суетлив, более глубок, более человечески и более блестящ и изыскан по внутренней своей организации. А молодой Бортников все-таки моментами слишком занят собой и меньше — своим героем. Артисту порой так хочется нравиться, что его «становится много». Он и поет, и танцует, показывает пантомимы и фокусы и держит грандиозный трехчасовой монолог. Причем пантомимы — не очень пантомимы, пение — не очень пение, танец — не очень танец, монолог — очень часто слова, но не правда чувства. Порой кажется, что актер не столько строит образ и живет им, сколько оттанцовывает его.

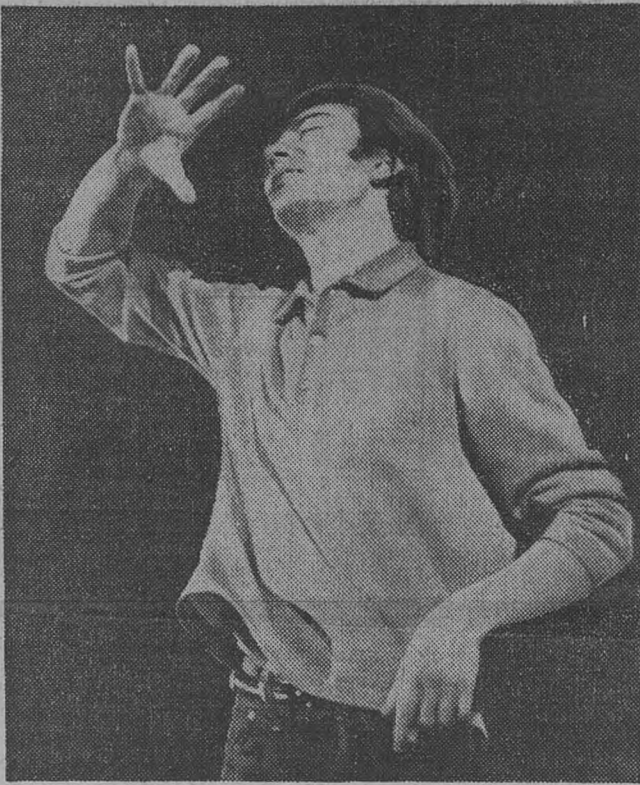
Так за кого же автор? — спросит читатель. За Н. Велехову или за ее опровергателей? Автор за ведущую идею статьи «Мнимое и подлинное», ибо новаторы в самом деле не спицы в колесе. Сменяя друг друга, они остаются индивидуальностями, а не сливаются в один сплошной круг. Вместе с тем к числу примеров мнимого новаторства я бы столь категорично «Глазами клоуна» не относил. Здесь случай сложнее. Однако я не подписался бы ни под одним из писем, в которых Бортников возносится на пьедестал.

И это не половинчатость!

Р. С. О Геннадии Бортникове сегодня много говорят. Хочется призвать его к спокойствию. Осторожно входи в двери радости... Тем более, что, войдя в эту дверь, непременно обнаружишь следующую. И что за ней? У такого пути не должно быть конца. Если актер холодно оценит себя, не отмахнется от критики, не потеряется от похвал, а с той же верой и утроенной мудростью продолжит работу, то в новых, не сыгранных пока ролях актер пройдет значительно дальше. Хочется в это верить. Как, видимо, хочется верить в это и тем, кто не доволен сегодняшней его работой, и тем, кто от нее в восторге.

Даль ОРЛОВ

ОПЯТЬ О БОРТНИКОВЕ?

спорить не буду. Возьму другое письмо. Харьковчанка Т. Орден обвиняет критика в том, что она не желает «помочь начинающему режиссеру».

Вот на последнем — на проблеме «помощи начинающему режиссеру» — пока остановимся. Для этого изучим программку Г. Бортников — действительно автор сценической редакции пьесы. Но сама пьеса написана Б. Нордом. Актер действительно значится постановщиком, но вместе с Ю. Беловым. Да, Бортников — художник, но есть еще и художник-конструктор В. Султанов. Работал над спектаклем композитор Ю. Саулский, стихи куплетов и песен писал поэт Г. Поженин, пантомиму ставил А. Жеромский. Художественный руководитель постановки — И. Анисимова-Вульф. И еще на-

зывали самостоятельно подготовленные работы, играли то, чего не играли в своих театрах. Г. Бортников демонстрировал эскизы к будущей постановке «Глазами клоуна». Значит, идея будоражила его давно. И театр, поверив ему, поверив в притягательную индивидуальность молодого актера, решил к созвездию своих великодушных актерских имен добавить еще одну «звездочку». На службу этому, кажется, поставлено все: приглушены партнеры, героя выделяет светом, оттеняют музыкой, дарят всю сцену щедро и надолго. Он несколько раз в разных амплуа упомянут в программе. Теперь все, кто прежде не знал, знают, что в Москве есть Г. Бортников и видеть его можно в Театре имени Моссовета...